

ПЕРВЕНЕЦ

Лида в который раз пыталась сложить ноги поудобнее. Никак не получалось найти нужную позу. Разозлилась, резко встала, но голова закружилась. Снова села на край кровати, начала раздражённо постукивать по холодному металлическому изголовью. Решётки... Везде решётки: на окнах, на кроватях, ещё бы шкафы решётчатые сделали... Ходить от окна до двери надоело. Стала расковыривать трещину в штукатурке на стене. Потом вдруг почувствовала очередные толчки. Подняла футболку и уставилась на свой живот, на котором то появлялись, то исчезали бугорки.

Там что-то происходило. Что-то, что раньше не касалось Лиды. А последние два дня её лишили всего остального мира, и вот она осталась наедине с этими толчками.

Накануне тощая медсестра ставила Лиде капельницу и, видно, от скуки спросила, мол, как зовут. Лида не сразу поняла, про кого она. Та кивнула на живот: «Назовёшь как?». Лида удивлённо разглядывала мужеподобную тётку: сухая, с одутловатым алкогольным лицом и короткой стрижкой под ёжик. Алкоголиков Лида определяла легко, даже тех, кто работал и выглядел прилично. Тётка смотрела безразлично, двигалась, как робот. А потом сказала, что надо разговаривать с ребёнком, чтобы слышал голос. Лида только и смогла что промямлить: «А о чём?». Медсестра уставилась на Лиду стеклянными глазами: «О погоде».

И вот ребёнок *там* снова шевелился. Кто его знает, просит что-то или просто переворачивается. У него уже есть руки и ноги, наверное... А волосы? Они с волосами рождаются или лысые? Да какая разница. Лида старалась отгонять эти мысли.

Они приводили всё к новым и новым вопросам. А в конце – в конце вообще непонятно. Несколько месяцев получалось об этом не думать. Лида жила с ощущением, что можно будет задуматься потом, что ещё есть время. И вот это «потом» настало. А думать совсем не хотелось. От мыслей в голове начало пульсировать, хотелось бежать отсюда скорее... Лида снова упёрлась взглядом в решётку на окне.

Через три дня она неспешно поднималась по лестнице женской консультации, поторапливаемая Алевтиной – тучной социальной работницей, которая резво семенила, хоть и краснела всё гуще с каждым пролетом. Они опаздывали. Лида специально тянула время при выходе из центра и здесь, в холле поликлиники.

Врачиха приняла вне очереди, хотя и была недовольна. Лида разглядывала непонятные картинки на стенах: развитие плода по месяцам. Фотография девушки на плакате была дополнена рисунками наподобие иллюстраций школьных учебников. Лицо девушки на плакатах не менялось, а живот становился всё больше, эмбрион увеличивался и менял положение. Лиду затошнило. Ей казалось, он какой-то уродливый, скрюченный. Такие кривые ноги наверняка не смогут ходить. Похоже, он был слепым! Лида взглянула на лицо девушки: та выглядела счастливой. С чего бы?

– Так... значит постановка на учет, – услышала Лида голос врачихи. – Ты бы ещё на сороковой неделе пришла...

– Да вот как её привезли, так мы сразу к вам – вступилась ещё не отдышавшаяся Алевтина.

Доктор смерила социального работника недовольным взглядом.

– Где до этого была? Где наблюдалась?

– Да так... – Лида ощутила подкатывающую тошноту, ладони вспотели. Хоть бы отвлечься. Мерзко. Тяга пошла. Сбежать бы скорее, да куда тут. Живот разросся. Жирная утка. Надо хитростью. Как из больницы. Думай. А чем думать, мозг не варит. Сейчас бы хоть один укольчик, хоть маленький. Просто, чтоб в себя прийти.

– Доктор, там выписка из детдома. Она как из больнички-то сбежала зимой, так вот её всё искали.

– Я вообще-то не пряталась! – огрызнулась Лида. В детдоме знали, где я была. Им лень приезжать было.

– Сиди уж! – шикнула Алевтина.

– Ну и где же ты была всё это время? – доктор смотрела мягче, как будто озадаченно. Переводила взгляд с Лидино го живота на теребящие край футболки пальцы.

– У молодого человека... своего.

– Молодой! – фыркнула Алевтина. – Сорок шесть лет – юнец просто! Уж ты, Лида, давай тут дуру-то не валяй! Время не тяни. Некогда доктору твои сказки слушать! Наркоманила, так и говори, теперь вот и расхлёбываешь свое! А этого твоего упечь бы пожизненно за такие дела, так ведь никто не займётся! Сам наркоман паршивый, и девку за собой уволок!

Медсестра оторвалась от талончиков и нерешительно взглянула на врача. Та, опустив взгляд, чуть хрипло сказала:

– Алина, сходи-ка... К-хм, сходите пожалуйста с социальным работником к заведующей, надо оформить документы на государственного ребёнка и рецепты на витамины и молоко.

Медсестра поднялась:

– Идёмте, я вас провожу. Девочка несовершеннолетняя, нужно ваше согласие, как представителя опекуна.

– Да, – окликнула врач. – Потом ждите в коридоре, осмотр буду проводить без посторонних.

– Да я что, я с радостью! Вот только за ней, доктор, глаз да глаз нужен! Вы учтите, из наркологички сбежала, из приюта сбежала, а нам вот теперь отвечай!

– Я поняла, идите.

Врач замолчала. Уставилась куда-то, так и замерла. Потом как будто заметила Лиду и немного нахмурилась.

– Значит, срок беременности не точный?

– Ну да.

– А почему до этого никуда не обратилась? Или обращалась?

– Да как-то не до этого. Виталик сказал, рожай.

– Виталик – это тот мужчина, который старше тебя?

– Да. Наркоман.

– Ты... тоже употребляешь?

– Да. – Лида отвечала быстро, на выдохе, не дослушав вопрос. За последнюю неделю посещения всех этих детских комнатов, приютов, инстанций, она повторяла свою историю не раз.

– Значит, и во время беременности?

– Да.

– Внутривенно? Как часто?

– Раза три-четыре в неделю, – всё также быстро, пока не передумала говорить, как есть.

– Как насчёт стерильности?

– Плохо. Там вон в карте есть все анализы.

Только сейчас врач посмотрела на кипу бумажек, разложенных у неё на столе. В анамнезе значился ВИЧ положительный, впервые выявленный два года назад.

– Это он тебя наградил или кто-то ещё?

– Не, наверное, кто-то ещё. Виталик говорит, он чистый.

– В смысле: говорит? Ты анализы его видела?

– Не-а. А зачем ему врать. Это ж он хотел ребёнка.

– Если ты от него забеременела, то теперь он тоже инфицирован.

– Да?

Врачиха внимательно взглянула, помолчала.

– Так, а что ты думаешь с родами? Тебя вообще кто-то консультировал за это время? Хоть один врач?

– Нет. Я у Виталика жила. Я же сказала. Он говорит, рожай, деньги будут.

– Он говорит, рожай... – эхом повторила врач. – Так, ладно. Нам надо с тобой многое успеть обсудить. Давай попробуем поговорить честно.

– Да я и не вру. Чё теперь врать-то. Только пить очень хочется.

– Сейчас мы обсудим, и попьешь в коридоре. Лида, твой ребенок может заразиться от тебя ВИЧ-инфекцией. Но если приложить усилия, он может родиться относительно здоровым.

– Да какой он здоровый, он же уже наркоман там, да? Как я.

– Сейчас речь не об этом. Если сделать кесарево сечение, то риск заражения во время родов значительно снижается. То есть если мы проведем операцию, то он может родиться без ВИЧ, понимаешь?

– А это больно?

– Нет, операция проводится под наркозом и быстрее обычных родов. Потом чуть дольше восстанавливаться, но нам важно сейчас думать не об этом.

– Ну да, я согласна. Только вон соцработники, они же вроде всё теперь решают, мне нет восемнадцати.

– Решать будем мы с тобой. Но здесь есть одно «но». Операцию нужно успеть сделать до начала схваток. Обычно на тридцать восьмой неделе. Пока мы не знаем, какой у тебя срок. Но учитывая твои побег...

– Что?

– Ты сможешь дотерпеть до тридцать восьмой или опять убежишь?

Лиде не хотелось врать. Врачиха первая за эту неделю, кто хотя бы не пилит, не давил на вину. Хотя у Лиды уже выработался иммунитет к таким разговорам, но чего она только не наслушалась и в полиции, и в детском доме. А ведь какое их дело...

– Да куда тут сбежишь, я вон едва хожу.

– Человек *зависимый* может убежать и при более сложных обстоятельствах... – она недолго помолчала, и продолжила как будто сама с собой. – Я видела молодого человека, который из реабилитационного центра сбежал, сломав ногу, когда выпрыгнул из окна. Это не помешало ему бежать дальше и ещё две недели лежать в притоне с распухшей посиневшей ногой, пока не нашли.

– Ни фиги себе! – Лида было ухмыльнулась, но доктор посмотрела на неё как-то странно, скривившись, как от боли.

– Лида... А ты сама-то хотела рожать?

Лида постаралась отвечать также на выдохе, быстро и по делу. Но с каждым разом говорить становилось сложнее. Почему-то с соц работниками и их нотациями было проще. Они обвиняли, Лида огрызалась. Злиться было проще. А сейчас, когда врачиха говорит «мы» и «нам»... Как бы не разреветься.

– Сейчас, конечно ничего уже не изменишь. Надо будет рожать. Судя по размеру, тебе осталось немного. Как я понимаю, до этого родов у тебя не было. А аборт или выкидыши?

– Ну... чтобы у гинеколога делали аборт – нет.

– В смысле?

– Был один. Мать таблетки купила.

– Ты имеешь в виду не операционный, а медикаментозный аборт? Давно?

– В одиннадцать. Только я не знаю, это беременность была или просто.

– А зачем тогда таблетки, если не точная беременность?

– А мамкин сожитель меня изнасиловал со своим другом. Она тогда отрубилась от героина. А они того. Она проснулась, ну и поняла. Наорала на него. И в аптеку со мной потащила. Мать сказала, что на всякий случай, а то мало ли: забеременеть от таких...

– Господи, в одиннадцать...

– Да это давно уже было, не переживайте. Мать его выгнала, но он нам денег дал тогда много. Правда, мамка, наверное,

их все спустила, я не помню. Потом меня бабка к себе забрала. А этот мужик снова потом к матери переехал.

– И в милицию не заявляли?

– Не-а. Мамка сказала никому не рассказывать. Ещё меня обругала: вечно я дома ошиваюсь, вот и неприятности. Я только года два назад рассказала психологу в приюте. Она говорит, наверное, потому я к мужикам старым и бегаю, что у меня вроде как травма.

Лида тараторила всё быстрее. Она ничего не чувствовала, когда это рассказывала. Но обычно те, кто слушал, ужасались или почти плакали. Странно было это видеть и ничего не ощущать...

В дверь заглянула Алевтина:

– Доктор, я всё оформила. Мне чего с ней, на УЗИ ещё? Это мне сейчас талон взять в общую очередь, или нам приехать в другой день? Нам бы лучше сейчас, а то сбежит опять, она ведь беглая у нас, даже не думает, что беременная! А у нас машина одна. Таких, как она, ещё пятнадцать девок. Только поумнее.

Доктор раздражённо подняла глаза.

– Ждите в коридоре. – Потом посмотрела на Лиду. – Тебе получается больше некуда пойти, только к ним? Они ж тебя съедят своими нравочениями... Может, есть сёстры или тётки? Не хотелось бы, чтобы их нотации спровоцировали тебя на побег. И здоровым самостоятельным женщинам иногда беременность даётся нелегко, особенно когда вокруг некому пожаловаться. Здесь у меня часто ноют. А тебе, несовершеннолетней, без семьи с постоянными мыслями о наркотиках... Их упрёки могут тебя окончательно измотать, не выдержишь – уйдёшь ведь...

Зря она сказала про упрёки. Копившееся за последнюю неделю напряжение, наконец, прорвалось слезами. Рыдать или подвывать Лида разучилась давно: через год, как забрали от матери. Видимо, прорыдала всё там, в первом ещё приюте. Но сейчас так жалко себя стало, оттого что идти некуда, и даже единственную радость – героин – отобрали. А там, на свободе, Виталик гуляет, и ему хорошо...

– Да они мне всю неделю мозг пилят, какая я бесстыжая. И запугивают, что ребёнок будет больной, оттого мне придётся труднее, чем другим девочкам – с инвалидом на руках. А я сама виновата, потому что бессовестная, убивать ребенка наркотиками. Ещё всё время водят на беседу с какой-то настоятельницей. Она меня пугает, как надо будет ребенка воспитывать. Что Бог дал мне ребёнка, чтобы я жизнь поменяла. И если даст больно-

го, то чтобы грехи мои искупать мучениями... А мне и так жить тошно! Сил нет, ходить тяжело. Как я с ним потом – я же вообще ничего не знаю! Я не хочу никого растить, я плохая мать буду, у нас в роду не было хороших!

Врач встала. Налила в стакан воды из-под крана.

– На, попей. – Она подошла так близко, как будто вот-вот обнимет. Лида невольно отстранилась, но доктор только отдала стакан и отошла к окну. – Поплачь, Лида. Тебе можно. Ты беременная. Ты умничка... – Потом они долго молчали. Врачиха о чём-то своём у окна. А Лида всё никак не могла унять слёзы: только вытрет, а они снова.

– Всё у нас получится. Сейчас бумаги оформим, сходим вместе на УЗИ и посчитаем, сколько нам нужно дотянуть до кесарева. Всем беременным тяжело, тебе тем более. Поплачь, может, хоть чуть полегче станет.

Она вернулась за стол, когда Лида перестала всхлипывать.

– Давай мы с тобой договоримся. Я знаю... ждатель обещаний от наркомана – дело глупое. Я и не прошу. Давай мы просто договоримся, что ты попробуешь дотянуть до кесарева. Ведь если ты убежишь, Лида, ты не вернёшься. Мы же обе понимаем, где ты будешь. И будешь там прятаться до самых схваток. А там поздно будет оперировать. Да и роды для тебя будут тяжёлым испытанием. Это физически тяжело.

– Да я понимаю. Я не сбегу.

– Ты просто постарайся поставить себе одну цель. Ничего большего. Очень прошу, не думай, оставишь малыша себе или нет. Ты уже дала этому ребенку, что могла. Лучшее, что ты можешь сейчас сделать – попробовать помочь ему родиться без ВИЧ-инфекции. А уж будут силы или нет, захочешь ли воспитывать – это ты станешь решать сама, в любой момент. Поняла меня? В любой!

– Да вроде. Но они говорят: потом – привязанность... Сама не откажусь. Правда, я совсем не понимаю, что надо будет делать... Как это... Там, конечно, в центре помогают, но они запугивают, что ночи бессонные, и что никто за меня ничего делать не будет, притворщицам-наркоманкам не верят... – Лида снова почувствовала, что ревет. Это было так непривычно. Наверное, первый раз за последние полтора года. И как будто легче от этого становилось. Хотелось плакать и плакать.

– Так, Лида, соберись. Ты забыла, о чём мы договорились. Наша цель – просто дотянуть до кесарева. И всё. Дальше – даже не думай ни о чём. Болтают эти соцработники, а ты не слушай,

кивай просто. А сама думай – мне бы только до кесарева, а там выдохну. Поняла меня? Твой финиш – кесарево, всё.

– Угу, – прошмыгала Лида.

То ли от слёз, то ли от тона доктора, но ей как будто стало легче. Начал рассеиваться жуткий страх от слов «будущая мама». Эти навязчивые картинки больного скрюченного младенца. Если только до кесарева – можно попробовать. Тем более, если под наркозом. А то эта монашка как затянет своё про муки роженицы, аж до дурноты. Половину слов не понять, что-то про грехи... Стоп, не думать... Надо не думать. Как врачаха сказала: просто кивать и всё. Надо попробовать.

– Ну что, сейчасходим с тобой на УЗИ, и поедешь отдыхать. Тебе нужно сейчас побольше отдыхать и научиться играть в глухую. У тебя важная миссия: дотянуть до кесарева.

– А это... осмотр?

– Да какой осмотр на твоём сроке. Только УЗИ теперь и померить живот. Это я так, чтобы выпроводить твою надзирательницу.

Они прощались после выхода из кабинета УЗИ.

– Тридцать три недели, девочка. По УЗИ пока без явных патологий.

– Спасибо, – Лида не знала, как завершить разговор. – Мне ещё к вам прийти... можно? То есть...это... надо ещё?

– Да, Лида. Тебя должны привезти через десять дней, тогда будут готовы анализы, и мы всё обсудим. Береги себя, отдыхай. Жду тебя через десять дней, постарайся приехать.

– Спасибо...что поговорили...

Доктор кивнула и двинулась дальше по тусклому коридору. Сначала хотела было отвести в сторону соцработника на пару слов: попытаться объяснить ей, что давить на Лиду сейчас нельзя. Иначе точно сбежит. Да и что за бред: оставить новорождённого Лиде. Девочка ведь малыша к себе в притон потащит... Но потом поймала себя на мысли, что снова начинает играть в спасателя. Где она – грань бессилия и безразличия?.. Где грань чужой и своей истории?..

Она открыла дверь в туалет. Никого. Подошла к наполовину покрашенному окну и открыла тугую форточку. Задышалось легче. Достала телефон, пролиставала недавние вызовы... Не нашла. Набрала ручную цифры. Телефон высветил «Лёшенька»... Никто не отвечал. Она начала набирать сообщение, но

после слова «сын» не смогла ничего написать... Где ты?.. как нога?.. приезжай... возвращайся... Всё это было не то. Ответа она не получит.

Она родила своего первенца в тридцать четыре года... «старородящая»... Родила здоровенького, красивого мальчишку... В детском саду он заболел гломерулонефритом, стал инвалидом, набрал огромный вес, почти не мог ходить... Пять лет она практически носила его на руках, лежала с ним по больницам, не давала посадить на гормоны. И все-таки вытасила его каким-то чудом... К началу шестого класса, по его инициативе, они отказались от инвалидности, всех полагающихся льгот и пособий... Хотя с деньгами тогда было очень туго... Лёша стал ходить в школу и на физкультуру, от которой был освобождён, записался на фехтование... До 9-го класса был идеальным сыном и учеником.

И вдруг в пятнадцать лет попытка суицида. Вроде из-за несчастной любви. А потом депрессия, таблетки и через полгода наркотики... И этот последний его глупый побег из реабилитационного центра, когда он сломал ногу... последняя попытка поговорить с ним, после которой он перестал отвечать на звонки... За что? Ну, ладно эта девчонка Лида, из неблагополучной семьи, дочь наркоманки... А ведь у Лёшеньки было всё...

Она посмотрела на продолжающий светиться экран мобильного телефона... Где он сейчас? Ей хотелось надеяться, что и ему, быть может, встретится кто-нибудь, кто, как она сегодня, найдёт несколько лишних минут, чтобы выслушать и поговорить.

НИКА

Ох, какие же вы соблазнительные! Ровные, круглые. Как будто циркулем вымеряли. А цветовое сочетание – просто блеск. И этот дымок, как настоящий... Как не стыдно делать такую рекламу – ведь не оторваться!

Ника разглядывала новый постер маленького сетевого кафе: два румяных сырника с ложкой малинового джема и кружка пенистого капучино. Она пыталась утешить себя, что в реальности это выглядит наверняка менее аппетитно, но внутренний голос ворчал: уж точно аппетитнее её гречки.

Ника двинулась вперёд, решительно настроив себя на быструю дорогу без всяких фантазий. К счастью, соседняя булочная всё ещё была закрыта на ремонт, и малярная пыль покрыла забытые на витринах муляжи хлеба.

На перекрёстке в её мысли ворвался мужской высокий голос:

– Шаурмэ, вкусна шаурмэ!

Ещё до того, как подняла глаза, Ника почувствовала дурманящий запах жареного мяса. В маленькой стеклянной палатке весёлый смуглый продавец в грязном фартуке лязгал ножами, привлекая клиентов. На огромном вертеле крутилась башенка из нанизанных лоскутков мяса. Возле засаленных окон горками лежали нашинкованные овощи.

Она посмотрела вдоль улицы, оценивая силы. Впереди оставалось несколько препятствий. Пиццерию она прошла достаточно быстро, стараясь не смотреть на картинки. Официанты только начинали открывать террасу и расставлять бокалы. Следующим через несколько домов был рыбный ресторан. Тот закрыт до шести вечера, специализируясь на обеспеченной публике, пришедшей отужинать.

Сразу после библиотеки Ника уткнулась в рекламный щит знакомого вегетарианского кафе. «Нет уж, сегодня вы меня не соблазните! Сельдереевый фрэш, ты больше не в моём вкусе. Морковный, кстати, тоже выбыл из фаворитов. Разве что цитрусовый... Посмотрим, может, загляну к тебе вечером!»

До училища оставалось всего три дома, как вдруг она застыла у огромной витрины. За стёклами виднелись длинные ряды пирожных и булочек. Французская кондитерская... Запах, доносящийся из-за её дверей был похож на самые потрясающие запахи детства. И как назло, именно с утра, когда Ника спешила на занятия, с противней снимали свежий хлеб, и этот запах растекался по всей улице...

Ника заворожённо смотрела туда, где за столиками с чашечкой кофе и утренним круассаном сидели болтливые домохозяйки. Четыре дня назад она также сидела здесь со своим любимым ванильным эклером. Она растянула удовольствие минут на сорок, и всё равно этого казалось мало. Тогда она не выдержала, взяла ещё и ягодную тарталетку. Ника сглотнула, вспомнив сочетание хрустящего песочного печенья, тягучего ванильного крема и кисловатых сочных ягод. Чувство вины, как и тогда снова накатило, смешавшись с завистью к самой себе. В выходные она экстренно устроила себе интенсивную трени-

ровку, чтобы «сжечь» всё лишнее, но не рассчитала силы и в понедельник на занятиях в училище с трудом кое-как выполняла упражнения.

Из кондитерской вышел паренек с шуршащим бумажным пакетом. Ника зажмурила глаза от невыносимо дурманящего запаха свежей выпечки, бормоча себе под нос: «Любимый мой! Мы обязательно ещё встретимся! Я всё отработаю, и к середине следующей недели мы снова будем вместе! Прибегу к тебе, будем сидеть здесь долго-долго, ты и я...» Паренёк хмыкнул, косясь на странноватую девушку. Ника открыла глаза, метнула в него злобный взгляд и быстро зашагала вперёд.

Её опоздания за последний месяц приобрели регулярный характер. Ника потянула на себя тяжёлую дубовую дверь. Та, по привычке, как будто нехотя, начала открываться, чтобы затем всей своей тяжестью утянуть внутрь хрупкую ученицу. Училище обдало прохладой и тишиной. Ника помчалась было по старинной мраморной лестнице, как позади раздалось:

– Это куда мы так спешим, позвольте узнать?

Ледяной голос на мгновение как будто оглушил Нику.

– Эмилия Павловна, доброе утро! Я немного задержалась...

– Утро, Вероника, начинается в пять часов с восходом солнца. А сейчас, дорогая моя, для человека трудящегося, уже разгар дня – без четверти девять. Класс начался пятнадцать минут назад. Если вы хотите чего-либо достичь в нашем ремесле, вам придётся кардинально пересмотреть своё отношение к времени.

Ника растерянно смотрела на директрису, в который раз невольно восхищаясь её удивительной красотой и ухоженностью. Она как будто бы сейчас сошла со сцены: классическое серебряное платье, длинные серьги, мягкий макияж, лёгкий шейный платок, удачно маскирующий следы морщин, и всё тот же туго затянутый пучок. Её фигура – плод зависти всех учениц. Сохранить такую стройность, не выступая уже более тридцати лет – такое под силу единицам. Большинство остальных учителей балетного представляли собой нечто шарообразное, обычно облекаемое в свободные ткани и пышные причёски, отвлекающие от свисающих подбородков. Наверное, уходя со сцены, они и не замечали, как постепенно позволяют себе всё больше и больше. Правда, несмотря на железные формы, они всё ещё прекрасно двигались и с лёгкостью могли показать самые сложные элементы. Хотя внешний облик никогда бы не выдал в толпе прохожих их балетного прошлого.

– Вероника, вы кажется меня не слушаете?

Ника с ужасом поняла, что отвлеклась, и теперь её опоздание усугубляется ещё больше.

– Простите, я задумалась...

– О чём, позвольте узнать?

– Я...я...

– Судя по всему, явно не об учебе.

– Я плохо спала, извините, пожалуйста, сегодня похоже не мой день.

– У балерины слишком короткий срок годности, Вероника, чтобы позволить себе «не мои» дни. Полагаю, что вам известно об этом.

– Да-да, я всё понимаю. Я исправлюсь.

Директриса пристально и как будто с тревогой смотрела на ученицу.

– Ника, у тебя что-то случилось?

На «ты» Эмилия Павловна переходила крайне редко, причем в совсем разных ситуациях. Иногда это бывало после того, как ученицу отчисляли за неуспеваемость. Тогда директриса после оформления всех бумаг брала девушку за руку и душевно её успокаивала, уверяя, что та найдёт в жизни своё истинное призвание. Иногда на «ты» она могла обратиться к заглянувшей в альма-матер успешной выпускнице. Ещё реже, если после экзаменационных смотров кого-нибудь сразу приглашали в труппу. Ника настолько не ожидала такого перехода, что судорожно пыталась понять его причину.

– Кажется, нет.

– Кажется?

– Да вроде всё в порядке. Просто немного сложное время. Столько эмоций.

– Эмоций?! Эмоции должны быть только в танце и только соответствующие!

– В танце, это конечно. Просто сейчас сложный период.

– Ника, сейчас у вас последний месяц перед выпускными экзаменами. Понимаешь ли ты, насколько это важно для твоего будущего? Это будут решающие смотры, которые развернут твою жизнь либо в сторону тяжелейшей, но восхитительной работы в труппе, либо навсегда оставят тебя на задворках балетного мира, какой-нибудь учительницей в частной детской школе. Ты понимаешь меня?

– Да, кажется, – Ника запнулась, увидев изумлённое лицо директрисы. – То есть, конечно, понимаю. Немного сложно со всем этим совладать. Столько всего вокруг!

Эмиля Павловна прищурилась и взглянула на Нику так, будто разглядывает микроб под микроскопом.

– А не угораздило ли тебя влюбиться? Или ещё что похуже?

– В смысле – «похуже»?

– Ну вот, так и знала! – она театрально всплеснула руками. – Первая любовь! Ну неужели нельзя потерпеть до зачисления в труппу?! Неужели все эти люди не вдохновляют вас полностью отдаться искусству, отодвинув земные развлечения на потом?! – Эмиля Павловна шагнула в сторону портретной галереи знаменитых танцовщиц.

– Посмотри на эти лица, посмотри на их счастье! Они добились высот, день изо дня забывая о примитивном, о ненужном, слишком простом! Наше искусство не терпит отвлечений! Все эти люди жили только танцем!

Ника невольно улыбнулась, вспоминая любимые байки их учителя по истории балета. Добродушный Антон Семёнович, как будто замумифицировавшийся ещё со времён СССР, любил рассказать им о тайнах и сплетнях мира балета, каждый раз сдобривая историю своими комментариями и ехидным смешком.

– Не вижу ничего смешного!

– Прошу прощения, это я представила себя когда-нибудь висящей здесь и улыбнулась...

– Лично тебя здесь вешать не хотелось бы, а вот твой портрет мог бы стать гордостью вашего поколения. Но полагаю, что, несмотря на твой явный талант, ты начинаешь сбиваться с пути.

Ника стояла молча, виновато теребя ремень сумки. Ей ещё предстояло выслушать за своё опоздание от учительницы, ощущая при этом любопытно-насмешливые взгляды однокурсниц.

– Я надеюсь, ты меня услышала.

– Конечно, Эмиля Павловна. Я постараюсь.

– Ника, я хочу тебе только добра. Ты действительно очень одарённая. И уж поверь, первая любовь всегда проходит. Крайне редко остаётся что-то ценное.